

День никак не располагал к подобному сюжету. Неустойчивая погода июля, столбики, разглаживающая последние складки на своих олимпийских одеждах, напрягшийся мир... И вдруг этот получасовой фильм — как стихотворение на черно-белой пленке. Что-то зашевелилось в глубине памяти, мелькнула неясная тень, и явился тот, кто эту тень отбрасывал, совсем еще мальчик с трагической судьбой — Вацлав Нижинский. Что-то

ЭХО ПРЕМЬЕРЫ

ДЕВЯТЬ МИНУТ

В. Нижинский — Фавн

окрыленное, какая-то греза. Когда это было и было ли?

Но аккорд один, штрих — и словно внезапное воспоминание взбредит вам душу.

Нижинский... Казалось бы, мимолетная, короткая вспышка в мировом балете, но все еще доходящий до нас свет. Справочники не могут сговориться даже о дате его рождения, одни называют 1889-й, другие — 1890-й. А в двадцать семь в странной депрессии он покинул сцену. Будто отгорел. Сколько же он танцевал? Каких-нибудь девять-десять лет... И за это время — слава самого поэтичного танцовщика последнего столетия, а может быть, и в истории балета вообще.

...Из глубины автомобиля — старческий голос. Мы не видим того, кому он принадлежит. Не видим и того, кто за рулем. Сквозь ветровое стекло, покрытое каплями дождя, трудно рассмотреть город, по которому едем. Невидимый рассказчик замолкает, вспоминая, вновь говорит, и мы понимаем, наконец, что говорит он о том, что было в этом городе почти семьдесят лет назад.

...Заработали «дворники» на переднем стекле, и с каждым их движением возникало чистое поле обзора и обрисовывался город сладко знакомый, даже если и никогда в нем не был.

Человек вспоминает о Нижинском. Мы едем по дождливому Парижу. Внезапно картина меняется, и вместо современных лимузинов засеменили авто и фиакры 1912 года. Показалось? Нет. (Как, однако, действует эта старая хроника из французской фильмотеки!) И снова сегоднешний Париж...

Такой поэтической строфой начинает режиссер Юрий Альдохин свой фильм «Воспоминание о Нижинском» (Центральная студия научно-популярных фильмов).

Это был третий год знаменитых «русских сезонов», организованных Сергеем Дягилевым. Триумф балетмейстера Михаила Фокина и «звезд» русской Терпсихоры — Анны Павловой, Тамары Карсавиной и, конечно же, Вацлава Нижинского. На третий год Нижинский дебютирует как хореограф, ставит и сам танцует девятиминутный балет «Послеполуденный отдых фавна» на музыку Клода Дебюсси. Эти девять минут взбудоражили театральный Париж, видевший все. В одухотворенном и хрупком теле жил неукротимый дух искателя и непочтительного задир. Публика онемела от девятиминутного откровения. Тогда Нижинский тут же повторил балет. Мнения разделились. Мы видим на экране полосу газеты «Фигаро», обвинившей Нижинского чуть ли не в нарушении общественной нравственности. Раздались протесты: так нельзя! Секретарь Дягилева Борис Кахно — это ему принадлежит голос там, в машине, — повествует со спокойствием Пимена.

Великий Роден выступает в защиту Нижинского. Он публикует яростную статью против ханжества. Спор разгорается. Следуют уникальные кадры — трудно было даже предположить их существование. Роден в своей мастерской. Неистовый молоток скульптора бьет по резцу. Мраморная глыба обращается в человеческий образ. Нижинский был моделью скульптора, позировал ему.

Бег фотографий танцующего артиста все убыстрится, происходит скачок в нашем зрительском сознании — мы видим танец. Но это лишь техническая иллюзия. Жизнь в воспоминание вдохнут люди. Наши выдающиеся мастера — Владимир Васильев и Наталья Бессмертнова — воскрешают пластику Нижинского. С ними проводит на экране репетицию помнящий Нижинского Леонид Мясин, когда-то первый танцовщик труппы Дягилева. И в танце «вполголоса» возникает оригинальность движений Нижинского в Фавне, его танец «в профиль», почерпнутый с рисунков греческих ваз.

Получасовой фильм о девятиминутном исполнении жеман, мимолетное виденье...

Ушли в прошлое страсти, споры, конфликты да и сама житейская и не всегда ясная личность артиста. Но остался момент истины. Девять минут.

А. СВОБОДИН

27 АВГ 1980

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
Г. МОСКВА